

По вине университета, неожиданно поскупившегося на общежитие, у Кирилла оставались считанные дни до сентября, чтобы подыскать себе комнату. По одним слухам, заселяли по национальному признаку и места в общежитии доставались в первую очередь татарам. По другой версии, места отвели беженцам из Донбасса и Луганска.

Поиски в сети не дали ничего. Хостел надоел за два дня. Соседи сменялись ежедневно. Жизнь в хостеле смахивала на социальный эксперимент или реалити-шоу, пусть без камер и славы. Во время одной из бесцельных прогулок Кирилл зацепился взглядом за рукописное объявление на фонарном столбе. Комната сдавалась за смешные пять тысяч в месяц, а «Дубль Гис» твёрдо указывал на её близость к университету и к метро.

Детство и школьные годы Кирилл безвыездно провёл в Набережных Челнах. Всякому постороннему Челны представились бы до скуки однообразным проектом, воплощённом в камне, кирпиче, бетоне и зелёных насаждениях, безликой единицей на карте, где маленькое время измерялось графиком трамваев, а большое – утверждёнными планами Камского автомобильного завода. Папа Кирилла собирал КамАЗы и неизменно сверял свои убеждения с генеральным курсом. Мама служила в СанЭпидемНадзоре. Именно она повесила иконки над порогом и на лобовом стекле отцовской «Волги».

Передвижения Кирилла по Челнам за редкостью ограничивались двумя-тремя улицами. Дух скитальчества не посещал его даже при чтении Стивенсона и Твена, тяга покорять большие пространства также была ему чуждой. Кирилл любил декламировать стихи классиков и публиковал спортивные заметки в местной газете. По общему мнению, ему не доставало настойчивости и упорства. Политика его интересовала мало, лишь однажды друзья подначили его митинговать – за льготный проездной для школьников и студентов. Кирилл честно отстоял под дождём два часа с плакатом в руках и больше на митингах не появлялся.

Он верил в мирное сосуществование православия и «Бургер Кинга» и надеялся на победу сборной России на ЧМ-2018 по футболу. Идея прогресса Кириллом не подвергалась сомнению.

В Казани же поража́л контраст. Минута ходьбы отделяла Баскет-Холл от голубого костёла, две минуты – костёл от старообрядческой церкви с чёрными куполами. В постройках вековой давности размещались бары и магазины спортивного питания. В метро девушка с голубыми волосами, будто с картинок книги о Буратино, занимала сиденье между стариком в тюбетейке и дородной тёткой в бордовом берете, позабывшей снять бахилы в поликлинике.

Суконная слобода, некогда первой присоединившаяся к восстанию Пугачёва, и спустя века противопоставляла себя остальной Казани. Здесь, на изрезанной Шмелёвым оврагом Третьей горе, ещё уцелел островок досоветской России, мужицкой, деревянной, инаковой. Стоило повернуть влево от Казанского архитектурно-строительного университета, чтобы очутиться среди бревенчатых домиков с кропотливо вырезанными наличниками и цветами в окнах. Если ты шагал по узким улочкам, то невольно вздрагивал от внезапного лая четвероногих сторожей за забором. В дома был проведён водопровод, но некоторые по-прежнему набирали воду из колонок. Иные адреса выводились краской вручную. Названия улиц – Ремесленная, 2-ая Привольная, Пехотный переулок, Горный переулок – навевали романтические думы. Современность обретала контуры спутниковых тарелок, инопланетными телами белеющих на фоне досок и брёвен. С трёх сторон уходящую натуру теснили свежие высотки, а четвёртой стороной островок упирался в крутой откос, ведущий к автотрассе.

Именно на Суконке, в двухэтажном бревенчатом доме на краю холма, снял комнату Кирилл. Окно выходило на метро и аллею, украшенную трамвайными вагончиками довоенной и дореволю-

ционной поры. Ночью они подсвечивались и пассажиры-манекены в них оживали. На одном из трамваев работал в тридцатые Иван Кабушкин, в Великую Отечественную участник Минского подполья. Посмертно Кабушкин получил Звезду Героя.

Сдававшие комнату Бородин Михайлович и Таисия Филипповна были престранной парой. Крепкого сложения старик с баками и сдвинутыми на нос очками представал перед студентом в неизменной холщовой блузе и мешковатых штанах, опоясанных верёвкой. Что удивительно, одежда Бородина Михайловича всегда отличалась завидной чистотой. Вести речь он предпочитал чуть наклонившись к собеседнику, а лицо его почасту озаряла неизъяснимая клыкастая улыбка. Сухонькая Таисия Филипповна надевала обычно кофту с неброскими шароварами или длиннополой юбкой. Мелкими чертами кроткого серьёзного лица Таисия Филипповна напоминала маленькую девочку.

Привязанные друг к другу трепетным чувством, старички не имели детей. Хозяева не пользовались Интернетом и мобильными, а звонили по телефонному аппарату с крутящимся диском. Когда Кирилл оплачивал жильё, он замечал в стариковской комнате множество ящичков и сундучков, а также древний верстак, подобный тому, на котором Карло вытесал Буратино. На стене висела домашняя утварь и связка баранок. Пахло горькими травами.

Половицы и двери в доме скрипели на разные лады. Дощатый пол устлала дорожка и паласы, стены украшали ковры. Возвращаясь с лекций, Кирилл не раз видел, как хозяин, развесив ковёр на заборе, усердно выбивает пыль и бормочет под нос песенку.

Первые дни Кирилла облаивал здоровенный, размерами с мастиффа, рыжий пёс, ошивавшийся во дворе и съедавший на обед целый таз супа, любезно подносимого Таисией Филипповной. Впоследствии рыжий привык к квартиранту и лишь провожал его долгим оценивающим взглядом. Немногословный Бородин Михайлович отметил: то сама Суконка, недоверчивая к чужакам, приняла студента.

Чудно было возвращаться сюда вечером из городской суеты, выныривать из метро, перебираться из аудиторий с интерактивными досками, из университетского коридорчика с разноцвет-

ными стенами, пестрящими лозунгами наподобие «Телевидение принадлежит народу. Так ему и надо» и «У каждого своё предназначение. Возможно, ваше – смотреть телевизор». Казань без предупреждения перебрасывала в иное время, в иные локации. Кирилл мог тёмным снежным вечером брести по тихой улочке и увидеть в ярко освещённом окне каменного особняка серебристую иномарку (как выяснилось позже, в стенах особняка натуральным образом разместился гараж). Мог натолкнуться на табличку на доме, повествующую о том, что улица названа именем выдающегося акушера Викторина Сергеевича Груздева. Перед глазами вставал радушный старик в пенсне и с бесконечно добрым, как у доктора Айболита, лицом. На руках доктора весело улыбался новорожденный. Город вынуждал петлять и чертыхаться в лабиринте, чтобы в конце концов вывести к зелёным огням «Сбербанка».

Большой город позволял людям, особенно молодым, быть разными. Тех, кто старше, сдерживали привычки, корпоративная этика и *noblesse oblige*, тогда как студенты предоставлялись сами себе и совсем необязательно было, как в Челнах, сверяться с другими в увлечениях, одежде или еде.

Первый этаж с Бородином Михайловичем и Таисией Филипповной делила чета помоложе. Кирилл не знал, как их зовут, есть ли у них дети, и лишь обменивался с ними приветствиями. Зато он сблизился с соседом по второму этажу, одиноким писателем. Как правило, литераторов Кирилл сторонился из-за того, что они выпячивали свои отличия от остальных. На журфаке преподавал поэт, иногда демонстративно прерывавший лекцию на середине с целью зачитать новые свои стихи. Впрочем, его манерная чудаковатость не шла ни в какое сравнение с заносчивостью ископаемого стихоплёта, на чей вечер однажды угодил и Кирилл. Рифмач в затасканном пиджаке, размахивая руками за кафедрой, яростно доказывал, будто тот не поэт, кто не давился гвоздями.

Собеседник Кирилла был совершенно иным. Он не читал стихов. Его исключительные суждения не провоцировали на возражения. Как говорил писатель, его нельзя переспорить, поскольку нельзя завлечь в спор. Собственные размышления он называл версиями безбожного провинциала. Он сразу

предупредил, что слеп, о чём бы Кирилл никогда не догадался, глядя, как ловко слепец управляется с бытом и зажигает сигару, как завязывает галстук виндзорским узлом и с тростью преодолевает путь до магазина. Писатель зачёсывал волосы на затылок, поэтому его высокий лоб казался ещё выше. Замкнутый и не охочий до разговоров с остальными, он благосклонно относился к квартиранту и приглашал его на чай. Одна из трёх его комнат отводилась под библиотеку, а посередине стояли стол и кресло. Вечером Кирилл приносил тяжёлый стул с высокой спинкой, и они с писателем предавались беседе. Говорил по преимуществу писатель, а студент заворожённо слушал размеренный голос, всматриваясь в морщинистое лицо сквозь сигарный дым.

– В то лето, когда шли бои за Цхинвал, меня пригласили в Москву на конференцию. Тогда я ещё видел, поэтому наблюдения давались мне лучше. Из поездки я вынес, что в столице уцелели советские привычки. Там обосновалась мусульманская Азия и проросли семена Запада. Зато из Москвы стремительно исчезло то, что называется русским укладом. Распалась форма, а содержание рассеялось. Кхе-кхе... Только не торопитесь причислять меня к ревностным поклонникам старины. Я предпочитаю разгадывать порядок вещей, а не отдаваться без остатка идеям.

Говорил писатель по обыкновению бесстрастно.

– Тот русский уклад ещё сохранил очертания в Казани, на Суконке. Он укрылся под носом у прямолинейной современности. Разумеется, не навечно. Он уже исчезает. Столица с её офисами, небоскрёбами и восточными наймитами настигает Казань. Отрицать это – не разбираться в истории и национальном своеобразии. Бессмысленно проводить аналогии с Веной, Прагой, Брюгге, где сберегли целые исторические кварталы и где туристы ориентируются по картам вековой давности. В России, в противовес Европе, от ближайшего прошлого отказываются и влюбляются в прошлое далёкое, оставшееся лишь в виде искажённых воспоминаний. Каждое новое поколение подспудно считает, что их родители, а иногда и деды, виновны в кончине Золотого века, поэтому новые поколения тщательно вымарывают родительские следы. Мы любим свою отделённость и свою обделённость. Я не отвлечённо выражаюсь?

Язык Кирилла словно присох к нёбу, поэтому студент лишь мотнул головой, забыв, что собеседник слеп.

– Служение прошлому требует жертвы. Взгляните на защитников старинной архитектуры, на рьяных любителей трамваев, на убеждённых букинистов и нумизматов. Какая временами в них просыпается остервенелость, сколько в них раздутой скорби, чувства собственной правоты. Иные из них кладут на алтарь личное счастье и готовы поступиться счастьем других ради мнимых сущностей. Это самые бессильные рыцари из всех. Неверно в их случае утверждать о гальванизации трупа. Уместнее другая метафора: они берутся обратить речное течение вспять без начальных познаний в гидравлике.

На книжных полках у писателя Кирилл находил чудные экземпляры – без указания автора, без издательских сведений. Завораживали заглавия – «Метаморфозы левой руки», «Воля небытия», «Оязыченный», «Стратегема жертвы», «Заметки на песке», «История неопороченных идей». Многие из книг запирались на ключ, точно девичьи дневники, а Кирилл не решался уточнять у писателя, каким запретным содержанием они обладали. Порой писатель называл полку и произведение. Когда Кирилл доставал издание, указывалась страница. Её писатель пересказывал, цитируя длинные абзацы. У студента дух захватывало от того, как искусство слепой мудрец маневрирует по закоулкам памяти. На очередной странице взору Кирилла предстал фотографический снимок холма с домом на 2-ой Привольной, выполненный век назад из низины, из точки, где теперь располагался вход в метро.

С каждой неделей студента всё реже тянуло обратно в Набережные Челны. Когда он отправлялся туда, Таисия Филипповна клала ему в сумку угощение для родни. В сентябре это был медовый пирог, перед новогодними праздниками – печенье в форме коровок. Родители исправно посылали Кириллу деньги и справлялись о его казанской жизни, а он не менее исправно удовлетворял любопытство домашних заученными ответами. Мама спешила ввести его в тонкости телешоу «Голос», а папа выказывал неудовольствие из-за равнодушия сына к политике. По мнению отца, мир раскололся надвое, а незаинтересованные в борьбе обрекали себя на гибель в неминующей войне. В начале

января, когда Кирилл возвращался в Казань рейсовым автобусом, его передёрнуло от мысли, как скучна жизнь маленького города, как смехотворно полагать, будто ты способен постичь порядок вещей, затерявшись в одной из сотен тысяч безликих многоэтажек, сроднившись со схемой трамвайных линий, живя выдуманной реальностью конкурсантов телешоу «Голос». Кирилл, ранее с энтузиазмом предвосхищавший августовский день рождения, на который он соберёт всех челнинских друзей, с отвращением отверг эту мелкую, увечную мечту.

К приезду постояльца Бородин Михайлович затопил баню. Делал он это нечасто, потому что в доме стояла душевая кабина, и оттого баня словно бы превращалась в необязательный ритуал, завершавшийся чаем из самовара. Чаёвничали в длинной узкой кухне на первом этаже, где тикали ходики и висел отрывной календарь с гороскопом. Супружеская чета с первого этажа за стол не садилась, писатель спускался редко и пил чай молча. В самоварный день извлекался на свет праздничный сервиз XIX столетия и подавалось угощение от Таисии Филипповны – самодельные баранки и сахарные петушки на палочке. Бородин Михайлович доставал из погреба рябиновую настойку и наливал Кириллу неизменную рюмку перед чаем.

На сей раз хозяин признался, что вынужден поднять плату до шести тысяч из-за санкций и взлетевшего курса доллара.

– Коммунальные платежи растут, сам видишь, – сказал Бородин Михайлович с долей неловкости. – Как всё образуется, непременно по-прежнему станется, по пять тысяч.

Студент заверил его, что всё в порядке. Тогда обрадованный старик, словно в благодарность, принял потчевать Кирилла историями и размышлениями. Выяснилось, что в давние времена низину весной затапливали талые воды, а мужики оттуда поднимались на холм, на Суконку, за помощью. Добро тогда отплачивалось добром, а память об оказанной услуге передавалась из поколения в поколение. Друзей за спиной не обсуждали, за своих стояли горой. Превыше всего ценилась простота и честность. По искреннему заверению Бородина Михайловича, знаменитый акушер Груздев однажды опоздал на званый ужин:

– Баба прямо в хлебной лавке рожать начала, а Викторин Сергеевич мимо

проходил. Так он не только ребёнка вытащил – он извозчика поймал, чтобы бабу с дитятей в отделение доставили. И сопровождал их. Вот такой чудесный человек был. Не то что нынешние доктора.

И Таисия Филипповна, подливавшая чаю, вздыхала.

Если бы по журналистике задали написать статью об идеальной паре, Кирилл без колебаний выбрал бы Бородина Михайловича и Таисию Филипповну. Хозяева относились друг к другу с неподдельным целомудренным почтением, и даже целующимися их Кирилл вообразить не мог. Они напоминали героев знаменитого древнегреческого мифа, имена которых стёрлись из памяти сразу после зачёта по античной литературе. Дело даже не в благонравии и сердечной простоте стариков, а в их крепкой любви. Что такое любовь, как ни верная дружба, проверенная долгой близостью? За такой образец прощаются чудачества, с какими старики лелеяли свои упрощённые представления о прошлом. Не преувеличивает ли писатель в сухих обобщениях, говоря об остервенелости и раздутой скорби?

Кирилл находил причуды хозяев безобидными, а иногда и полезными. Помнится, сентябрьским утром он застал Таисию Филипповну за непонятным занятием. Она собирала из коры нечто вроде гробиков для мух. Вечером студент по белым ниткам заметил гробики висящими на дереве во дворе. На Коляду в дверь стучались дети, и старушка горстями насыпала им леденцы и печенье. Привычно серьёзная, она улыбалась при этом, как ребёнок. Восемнадцатого февраля, в библиотечный день для журналистов, Бородин Михайлович, ездивший на Колхозный рынок, с гордостью сообщил, как в овощных рядах схватил за руку воришку-кавказца в ватных штанах, нацелившегося на кошелек хромой бабки. Воришка, по словам хозяина, скверно изъяснялся по-русски и злобно косился на Бородина Михайловича, точно поверженный Соловей-разбойник. Кирилл нашёл справедливым, что бабку защитил простой русский чудак, а никакая не полиция.

Первую сессию Кирилл закрыл на четвёрки. За семестр он не сблизился тесным образом ни с кем из одноклассников и со всеми держался ровно и вежливо. Печататься в челнинской газете он перестал, лишь раз выслав им стандартный отчёт с кубкового футбольного

матча со «Спартакoм». Гонорара хватило на два перекуса в университетском кафетерии.

На исходе зимы Кирилл пригласил к себе писатель. Устроились они по обыкновению в библиотеке. На сей раз писатель не дымил сигарой и вместо чая предложил гостю свежемолотый кофе без сливок и сахара.

– Я постоянно подчёркиваю, что я не идеолог, а наблюдатель, – сказал он. – Мне выпал чудесный шанс: обозревать действительность с холма, укрывшись в неприметном доме посреди не великого, но большого города. Это как следить за бурной рекой, отыскивать закономерности в её течении, не рискуя быть унесённым им. Я всегда ценил это. Будьте добры, мой друг, подайте с третьей полки «Волю небытия». По левую руку от вас.

Кирилл с робостью взял увесистый том. Холодок коснулся его загривка. Это было одно из тех изданий с замочком, что писатель никогда не просил достать.

– Ключ номер семь. Держите.

В дрожащую руку студента упала холодная связка миниатюрных позолоченных ключей с оттиснутым на каждом номером. Через минуту Кирилл выдал разочарованный возглас:

– Так меня ещё не разыгрывали!

Страницы с текстом в «Воле небытия» заменяла ниша с аккуратно помещённой в неё бутылочкой с французскими словами на белой этикетке и двумя изящными рюмками едва больше напёрстков.

– Зря вы решили, будто я пригласил вас ради дешёвого фокуса, – серьёзно произнёс писатель. – Ручаюсь, коньяк старше французского президента. Этого, как его, Миттерана. Разлейте, пожалуйста, и аккуратнее.

Кирилл осторожно вскрыл бутылку. Комната вмиг наполнилась виноградными, апельсиновыми, древесными запахами. Голова закружилась, и тем не менее студент не пролил ни капли драгоценного напитка. Непередаваемый вкус увлёк студента, вычеркнул его из пространства.

Не было блаженства, не было восторга. Все чувства исчезли.

Вселенский разум поглотил его, стерев границы между «я» и всем остальным.

– ... заполнили тоску по небытию? – спросил писатель, когда Кирилл вернулся в себя.

– Простите, что?

Писатель выдержал паузу, пока Кирилл вновь не обрёл способность внимать, и сказал:

– Итак, повторюсь: мой принцип – не вмешиваться в историю, а дать событиям идти своим чередом. Представьте, вы мечтаете сделать мир счастливее и пишете книгу. Или занимаетесь изобретениями. Как бы вы поступили, если ваше детище, почти доведённое до ума, присвоил другой человек, не знакомый вам? При условии, что ваш труд действительно благотворно повлиял бы на человечество?

– Сложный вопрос, – Кирилл задумался. – Наверное, промолчал бы и не претендовал на авторство. Цель-то достигнута.

– Я тоже, – сказал писатель. – На мой вкус, единственным оправданием вмешательства в историю служит противодействие тем, кто стремится навязать ей свою волю. Это касается не только диктаторов, а всех, кто присваивает себе функции пасторов, пророков, богов. Я заинтересован в том, чтобы течением не сносило напрасных жертв. Поставьте, пожалуйста, «Волю небытия» на место. И принесите с той полки «Стратегему жертвы». Ключ номер четыре.

Пока Кирилл попадал ключом в крохотную замочную скважину, писатель срезал кончик сигары и закурил. Бутылка осталась на столе.

– Как видите, это настоящая книга, – заметил писатель, когда студент справился с замком. – Откройте страницу с оглавлением.

Между заключительными страницами нашлись фотографии. На первой, чёрно-белой, из дощатого пола торчал здоровенный кол, окружённый зажжёнными свечами. На заднем фоне виднелись приколоченные к стене полки. На нижней из них выстроились трёхлитровые банки, на верхней – черепа. Искусно подобранный свет усиливал зловещую атмосферу. Студент счёл инсталляцию эффектной. Следующие две фотографии принадлежали двум молодым незнакомцам. Первый, лупоглазый очкарик в пиджаке поверх водолазки, обладал усами, печально известными как усы девственника. Второй, из-под распахнутой кожаной куртки которого поблёскивали на чёрной футболке цепи, выделялся свалывшимися патлами и подведёнными веками. Последняя фотография вызывала отвращение: на ковровой дорожке стоял алюминиевый таз, наполненный внутренностями, венчали которые две

отсечённые человеческие кисти с окровавленными выпрямленными пальцами. Кирилл фыркнул.

– Вы добрались до последнего снимка? – уточнил писатель, невидящим взором устремившийся перед собой. – Узнали кухню?

Стараясь не смотреть на алюминиевый таз, студент сравнил. Без сомнения, на фото запечатлелась хозяйская кухня, где они пили чай из самовара с угощениями от Таисии Филипповны.

– Хозяева благоговеют перед прошлым, – произнёс писатель. – Они чтут не только Коляду и Трояна, но и Чернобога. Другими словами, Кащей. Или, если угодно, Касьяна. Целые десятилетия ни один високосный год не обходился без жертвы. Увиденные вами на снимках Алексей Кунарин и Максим Можайский – это последние из них. И лишь в 2012 году традиция нарушилась. Новый квартирант, Василь Якупов, слёг в больницу с пищевым отравлением и чудом избежал смерти. У него диагностировали язву, и он съехал с комнаты, какую теперь занимаете вы.

– Признайтесь, вы опять меня разыгрываете? – спросил Кирилл.

– Снимки не внушают вам доверия? – своим бесстрастным тоном поинтересовался писатель. – Должно быть, слова о Кащее и жертвоприношениях в наш век звучат в лучшем случае иронично. И тем не менее. В 2012-2013 годах, перед Универсиадой, в Казани порушили множество исторических зданий, а ещё больше старинной архитектуры изуродовали под видом реставрации. А весь состав городской администрации после соревнований пересел на новые автомобили. Бородин Михайлович объяснил катастрофу своим промахом и намеревался загладить вину 28 февраля 2014 года. Тогда комнату никто не снял, а осенью объявились вы. Поймите, Бородин Михайлович и так пошёл на существенные уступки своим принципам. Древние славяне окропляли алтарь Чернобога круглый год.

Кирилл, отгоняя от лица сигарный дым, произнёс с притворной усмешкой:

– Вы отрабатываете на мне новые сюжеты, не правда ли?

– Сюжетов гораздо меньше, чем представляется, – возразил писатель. – Что же до вас, то рассеять сомнения легко. Спуститесь в погреб. Полка с черепами по правую руку.

Студент отставил «Стратегему жертвы» и фотографии и с дрожащими коленями прошествовал до своей комнаты

и закрыл дверь на щеколду. Если слова писателя не шутка, тогда остаётся две версии: либо старик двинулся умом, либо он прав.

Мысли сбивались в кучу, страх и сомнения перемежались отвращением к писателю с его безразличным тоном, точно он рассуждал о кипятыльниках или пуховиках. Таз с внутренностями и кистями вставал перед глазами. Что, если фотограф самолично наполнял таз из соображений удачной композиции? Выпрямлял пальцы на кистях?

Имя очкарика вылетело из памяти Кирилла, зато по Максиму Можайскому, патлачу с проколотой губой, поисковик выдал гору ссылок. Семь лет назад Можайский пропал без вести по пути на концерт «Психеи». Зацепки уводили в разные стороны. За неделю Максим расстался с Оксаной, однокурсницей по биофаку, а за месяц крупно проигрался в букмекерской конторе во время «Australian Open». Как и многие альтернативные музыканты, он пробовал творческие силы в лирике о снах, о боли и смерти. Вещи Можайского остались в съёмной квартире. Преисполненный жалости Бородин Михайлович уверял, что квартирант, славный и жизнерадостный парняга, ни за что бы не покончил с собой.

Группа «Вконтакте», посвящённая Максиму, не прояснила его судьбу. Друзья в Йошкар-Оле по-прежнему ждали его, с пивом и шашлыками отмечая дни рождения Можайского без виновника торжества.

Иные новостные сайты открывались медленно из-за перегруженных серверов. Час назад у Кремля застрелили оппозиционного лидера, и комментаторы самых разных убеждений, примкнув штыки, ринулись друг на друга. В иной момент Кирилл с удовольствием следил бы за их битвами на полях «Взгляда» и «Новой газеты», однако примелькавшиеся выражения «небесная сотня» и «сакральная жертва» будто сигналили студенту – скоро слова «жертва» и «небеса» могут применить к нему.

В полночь он тихо спустился на первый этаж. Из запертой двери безымянной четы будто сквозило холодом. Таисия Филипповна в переднике начищала содой алюминиевый таз, и выбежать из дома незаметно не было никакой возможности.

– Не спится? – участливо поинтересовалась хозяйка, на секунду прерывая круговые движения.

– Кефира выпью, – пробормотал Кирилл.

Пока он трясущимися руками наливал кефир, на кухню явился Бородин Михайлович с охотничьим ножом и колом в руках, ещё не отёсанным до конца. Вообразив, как эта штука диаметром с лопатный черенок разрывает его заднее отверстие и по вертикали пронзает насквозь, Кирилл едва не выронил чашку.

– Кисломолочное? – уточнил хозяин. – Полезное дело. Почему китайцы жёлтые? Молока потому что не пьют.

Допив кефир, студент на цыпочках вернулся в библиотеку. Погашенная сигара торчала из пепельницы. На постаменте из «Стратагемы жертвы» возвышалась опустошённая бутылка. Писатель заснул в кресле, сложив руки на животе, и грудь его не вздымалась.

Покидая библиотеку, Кирилл скрипнул дверью. От неожиданности он притопнул. С первого этажа донёсся бодрый хозяйский голос:

– Опять не спится?

Послышались тяжёлые шаги. Охваченный страхом студент метнулся в свою комнату. Кошелёк со стола отправился в задний карман джинсов, времени переодеться не было. На зиму старики заклеивали окна, поэтому пришлось воспользоваться настольной лампой, чтобы выбить стекло. Первый удар оно выдержало. В комнату требовательно постучали. После второго удара по стеклу поползла трещина, на третий оно разбилось. Кирилл взобрался на стол и ногой выбил остатки стекла, чтобы не порезаться при прыжке. Под проклятия молотившего в дверь Бородина Михайловича студент протиснулся в узкую дыру в деревянной раме. Свитер задрался до груди, и Кирилл голый спиной проехался по деревянной раме. Наверное, хозяин винил себя за просчёт. Небьющееся окно – грошовая плата, когда традиция ведёт счёт на века.

В Набережных Челнах Кириллу доводилось прыгать с гаражей, но не из окон. Чудом приземлившись без переломов, он кубарем покатился под гору. Снег забивался в волосы и за ворот свитера.

Прямо перед глазами Кирилла проехала «скорая» с боком, заляпанным грязью. Водитель не отреагировал на крики на обочине. Тогда, вскочив, студент перемахнул через дорожное ограждение и

помчался вперёд. Снег взметался из-под тапочек. Метро было закрыто на ночь, поэтому Кирилл сразу побежал в парк. По ночам там нередко слонялись местные подростки, фотографируясь с пивом в вагонах и на крышах старых трамваев.

Позади раздался лай. Рыжий пёс, по первой рывкавший на постояльца, прыжками нёсся с горы. Комья снега летели в стороны.

Кирилл едва успел по лестнице взобраться на крышу трамвая с номером «24», того самого, который водил герой Советского Союза Кабушкин. Рыжий хищник, надрываясь от негодующего лая, заметался вокруг вагона. Кирилл привалился спиной к холодной дуге и закрыл голову руками. Единственной альтернативой добровольной тюрьме под открытым ночным небом был ад с Цербером.

Когда полицейский патруль неподалёку слышал лай и крики, он поехал в их сторону. Пёс напоследок грозно рывкнул и рванул прочь, а молодого человека в джинсах, свитере и тапочках десять минут уговаривали спуститься с крыши трамвая. Затем ещё два часа в участке добивались от него внятного рассказа. Кирилл долго не верил, что ему не хотят навредить, и отворачивался от кофе и пряников.

Черепов и кольев в доме и в подвале не отыскали, зато выяснилось, что ночью умер от остановки сердца заслуженный деятель культуры и искусства, сосед студента. Кириллу уже готовились навесить подозрение в убийстве, когда лечащий врач писателя доложил, что покойный страдал сердечной болезнью и гипертонией. Писатель сознавал, что жить ему всего ничего.

Тогда следователь разумно счёл, что запредельная изысканность коньяка и дьявольское по мастерству убийство исключали студента, к тому же не имевшего мотивов. Под ласковые уговоры доктора Кирилл отказался от показаний, порочащих хозяев дома. Бородин Михайлович, не стыдясь слёз, ударился в воспоминания, как его постоялец и писатель сдружились за полгода. Версию Кирилла списали на нервное расстройство и желание отвести от себя подозрения. Студента два дня подержали в психиатрической лечебнице и отправили в Челны с академическим отпуском.